

Единицы кодов культуры: проблемы семантики

© доктор филологических наук Д. Б. Гудков, 2004

Те или иные объекты окружающего нас мира (как природные, так и артефакты), помимо выполнения своих прямых функций, обретают еще и функцию знаковую, оказываются способными нести некие добавочные значения. Имена, называющие подобные объекты, образуют связанные друг с другом вторичные семиотические системы, которые мы называем кодами (соматическим, зооморфным, природно-ландшафтным и др.) национальной культуры¹.

Единицы, являющиеся составляющими этих кодов, наделяются определенными культурными значениями, часть из которых присутствует в «светлой зоне» сознания представителей той или иной культуры, другие же не осознаются, присутствуют имплицитно, представляя собой своеобразные «лакуны», их экспликация является результатом лингвокультурологического анализа.

«Код культуры понимается как "сетка", которую культура "набрасывает" на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его. Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Собственно говоря, коды культуры эти представления и "кодируют"» [Красных 2002, с. 232]. Коды культуры занимают центральное положение в национальном культурном пространстве, являются структурообразующими элементами последнего. Сама культура при этом выступает как совокупность различных кодов. Проблема соотношения этих кодов подробно рассматривалась Н.И. Толстым на примере обряда и ритуала: «...Культура многоязычна в семиотическом смысле этого слова и нередко пользуется в одном тексте несколькими языками. В этом случае <...> под текстом понимается не последовательность написанных или произнесенных слов, а некая последовательность действий, и обращения к предметам, имеющим символический смысл, и связанная с ними речевая последовательность. Считая, например, обряд таким текстом, выраженным семиотическим языком культуры, мы выделяем в нем три формы, три кода или три стороны языка – вербальную (словесную – слова), реальную (предметную – предметы, вещи) и акциональную (действенную – действия). В

---

¹ Подобное понимание кодов культуры, как и дальнейшие размышления о семантике относящихся к ним единиц, во многом обусловлены нашей работой над лингвокультурологическим словарем русских фразеологизмов под редакцией В. Н. Телия и опираются на положения выработанные коллективом создателей названного словаря. При этом, конечно, автор несет полную ответственность за выдвигаемые тезисы.

обряде, ритуале и некоторых других культурных действиях и манифестациях единицы этих трех языков (кодов), а в общем «слова» единого семиотического языка часто выступают как синонимы, потому они нередко взаимозаменяемы, а часть их может редуцироваться» [Толстой, с. 23].

Мы полагаем, что выделение этих трех кодов (вербального, реального и акционального) возможно не только в обряде и ритуале, но вообще в поле культуры как таковом. При этом хотелось бы сделать ряд замечаний, касающихся нашего подхода к данной теме.

Во-первых, под чрезвычайно широким термином «реальный код культуры» понимается совокупность самых разных кодов, каждый из которых образует собственной «семантическое поле»: природно-ландшафтный (лес, море, гора, вода, песок и др.), архитектурно-домообустроительный (дверь, порог, крыша и т. д.), вещный (нож, рубаха, нитка, карман и т. д.), сюда же могут быть, вероятно, отнесены зооморфный, в какой-то степени соматический и другие коды. Мы в дальнейшем каждый из этих кодов будем рассматривать дифференцированно.

Во-вторых, единицы как реального, так и акционального кода культуры, могут вербализоваться, получить свое именование, иными словами, стать составляющими вербального кода. Именно это и позволяет нам рассматривать вербальный код культуры как базовый, основной и сосредоточить свое внимание именно на нем. Сказанное выше отнюдь не означает, что мы настаиваем на эквивалентной переводимости иных кодов в вербальный. В некоторых случаях это возможно с весьма высокой (хотя и не абсолютной) степенью адекватности. В качестве примера можно указать на активно развивающийся в русском лингво-культурном сообществе «автомобильный» код, в котором машина становится не только (часто и не столько) «средством передвижения», но и призвана манифестировать определенный имидж ее владельца — помимо социально престижных, дорогих, «крутых» и противопоставленных им непристижных, дешевых, «совковых» автомобилей, существует их условная градация на «солидные» / «молодежные», «мужские» / «дамские» и др. Этот код нашел свое яркое вербальное воплощение, скажем, в обширной серии анекдотов о столкновении «Запорожца» с «Мерседесом», в которых названия марок автомобилей выступают как знаки социального статуса их владельцев, не требующего никакой иной экспликации.

В других случаях подобная вербализация практически невозможна, во всяком случае, весьма и весьма затруднительна. К примеру, один из моих знакомых, живущий и занимающийся бизнесом в Канаде, рассказывал, что в деловых кругах Торонто (возможно, не только там) помимо всего прочего, весьма важным в формировании впечатления о партнере по коммуникации в этой сфере является его галстук (цвет, форма, как

завязан и т. д.). С помощью данной детали одежды, оказывается, можно сообщать окружающим о своем характере, методах работы, деловых и прочих пристрастиях (было перечислено свыше десятка различных значений). Совершенно очевидно, что подобный «галстучный» код весьма сложно сколько-нибудь адекватно вербализовать.

Мы в нашем исследовании сосредоточим свое внимание исключительно на единицах языка, являющихся носителями особых значений, детерминированных тем культурным кодом, которому эти единицы принадлежат. Скажем, рассматривая соматический и иные коды культуры, мы имеем в виду разные «подвиды» вербального кода. Иными словами, анализируя единицы, скажем, природно-ландшафтного кода, мы изучаем не собственно совокупность определенных объектов окружающего мира, а совокупность имен этих объектов; говоря, например, о лесе как единице этого кода, мы говорим не о лесе как таковом, а о слове *лес* (о соотношении имени и его референта в пределах культурного кода подробнее будет сказано ниже).

Теперь необходимо остановиться на вопросе о соотношении интересующих нас имен как единиц естественного языка и единиц культурного кода. Интересующие нас имена оказываются включенными в две семиотические системы: систему естественного языка как слова этого языка и в систему соматического кода, в которой они наделяются особыми значениями, связанными с общезыковыми, но существенно отличающимися от них. Р. Барт, считавший, что «в человеческом обществе на базе первичной системы, образуемой естественным языком, постоянно возникают системы первичных смыслов» [Барт 75, с. 11], обращал внимание на специфические знаки, принадлежащие сразу двум семиологическим системам: «...Знак (т. е. результат ассоциации концепта и акустического образа) первой системы становится всего лишь означающим во второй системе» [Барт 89, с. 78]. Мы в дальнейшем будем рассматривать имена, принадлежащие телесному коду культуры, как элементы вторичной семиотической системы, образуемой этим кодом, знаки второго уровня, отрешаясь по возможности от их общезыковых значений, которыми они обладают как знаки первого уровня. Речь идет не об «индивидуальных» коннотациях слова, а именно о системе взаимосвязанных символических значений, образующих особый тезаурус.

Будем условно называть естественный язык первой семиологической (семиотической) системой, а культурный код – второй семиологической системой. Конечно, и сам культурный код принадлежит естественному языку в широком смысле этого слова, но он образует несколько иную систему значений, отличных от тех, которые описываются в традиционных словарях и грамматиках. Чтобы убедиться в этом, доста-

точно сопоставить семантику таких, скажем, единиц, как *кровь* и *горло* в «естественном языке» и в соматическом коде культуры. Согласно словарю С.И. Ожегова, кровью называется «обращающаяся в организме красная жидкость, обеспечивающая питание и обмен веществ всех клеток тела» [Ожегов, с. 282], а горлом – «1. передняя часть шеи, заключающая в себе начало пищевода и дыхательных путей; 2. полость позади рта (зев, глотка и гортань); 3. верхняя суженная часть сосуда; 4. узкий выход из залива, устье» [Ожегов, с. 129]. При этом никак не указывается, что *кровь* символизирует, к примеру, жизненную энергию человека, оказывается знаком родственной и духовной близости, а *горло* метонимически связывается с дыханием, которое, в свою очередь, метафорически связывается с представлением о свободе / несвободе (ср.: *держаться за горло, наступать на горло*)².

Итак, имена, принадлежащие тому или иному коду культуры, обладают, помимо общеязыкового, еще и особым значением как знаки вторичной семиотической системы, причем значение это отнюдь не является ситуативно обусловленным, но закреплено за соответствующей единицей языка. «Классические» толковые словари, как правило, не описывают эти значения, игнорируя их, что делает необходимым и актуальным выявление этих значений и введение подобных описаний в лексикографическую практику. Решение поставленных задач позволит перейти от абстрактного теоретизирования к практическому словарному описанию культурных кодов. Это же, в свою очередь, даст возможность приблизиться к решению таких фундаментальных для современной гуманитарной науки задач, как описание языковой картины мира, выявление особенностей национального менталитета и национального мировидения, определение особенностей национально специфического воплощения универсальных инвариантных представлений о мире и др.

При всем этом нас интересует бытование той или иной единицы в языковом сознании представителей современного русского лингвокультурного сообщества, данные же этимологии (в широком понимании) привлекаются лишь как вспомогательные. Поясним сказанное только одним примером. Скажем, *кровь* выступает как носитель генетически наследуемых качеств человека, объединяя людей, одной расы, нации, рода, качество крови определяет и другие качества человека. Именно в это «поле» включается семантика слова *кровь* в таком фразеологизме, как *голубая кровь*, этимологически являющемся калькой с испанского *la sangre azul*. Как утверждают А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко, «первоначально этот оборот характеризовал аристократические семьи испанской провинции Кастильи, которые гордились «чистотой»

---

² Подробнее о семантике данных единиц см. в соответствующих разделах настоящей работы.

своей расы, то есть не заключали смешанных браков с маврами и другими людьми со смуглой кожей; у белокожих людей вены видны отчетливее; поэтому их кровь казалась голубой» [Мелерович, Мокиенко, с. 348]. Данная этимология, на наш взгляд, для современного языкового сознания носителя русского языка является неактуальной. Как показывает наш пилотажный опрос, внутренняя форма рассматриваемого фразеологизма толкуется примерно так: «особые свойства крови аристократов, которая даже цветом отличается от крови обычных людей».

Ставя своей целью описания значения интересующих нас вербальных единиц, мы с необходимостью должны остановиться на вопросе о том, что же за значение собираемся мы описывать, каков его семантический статус, что неизбежно потребует от нас рассмотрения некоторых базовых проблем семантической теории. Мы остановимся на своем понимании таких неоднозначно толкуемых в современной лингвистике понятий, как символ, значение, смысл, коннотация и ассоциация. Подчеркнем, что настоящая работа никоим образом не претендует на сколько-нибудь полный анализ указанных вопросов, в ней лишь в контексте современных исследований аргументируется обоснованность предлагаемого подхода, вовсе не претендующего на исключительность и монополию на истину.

Об особой семантике некоторых имен, принадлежащих сразу двум семиотическим системам, уже говорилось в научной литературе. К. Леви-Стросс, называя подобные единицы мифемами, указывал: «В сказке король никогда не бывает просто королем, а пастушка пастушкой. <...> Разумеется, мифемы – это тоже слова, но это слова с двойным значением, слова слов» [Леви-Стросс, с. 428]. «Обыденному» значению слова оказывается противопоставлено его «мифологическое» или «символическое» значение. Впрочем, мы неоднократно слышали возражения, что вести в данном случае речь о каком-то особом значении не имеет смысла, достаточно сказать о коннотации и на этом можно ставить точку. Заметим, что понятие *коннотация* в последнее время превратилось в универсальную отмычку, позволяющую легко открывать двери, замкнутые доселе для пытливого научного ума, в нечто, дающее возможность объяснить все то, что традиционному объяснению не поддается. Между тем сам этот термин понимается настолько по-разному и охватывает в различных толкованиях столь разнородные объекты, что потерял главное качество научного термина – однозначность и определенность, став без ясного толкования того, что подразумевает под ним тот или иной автор, почти асемантическим. Сказанное заставляет подробнее остановиться на том, что же будет пониматься под коннотацией в настоящей работе.

Приведем сначала ставшее почти классическим определение Ю.Д. Апресяна, который называет коннотациями лексемы «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности; они не входят непосредственно в лексическое значение слова и не являются следствиями или выводами из него» [Апресян, с. 159]. Согласно данному определению, коннотации, с одной стороны, не противопоставляются понятийному содержанию слова, а с другой – не относятся к лексическому значению последнего. При этом «в настоящее время в отечественной лингвистике укрепилось представление о лексическом значении как о многокомпонентном семантическом целом; как правило, в его структуре выделяют в качестве обязательных денотативный и сигнификативный (или эмотивный), этнокультурный и структурный (парадигматический и синтагматический) компоненты» [Лукашевич, с. 56-57]. Лексическое значение может пониматься «как бесконечно сложная, избыточная структура, включающая в себя не только понятийное содержание, но и весь запас лингвистических и экстралингвистических сведений, ассоциаций, смутных как будто бы априорных представлений и всех «добавочных смыслов», называемых коннотациями» [Скляревская, с. 64].

Последнее из приведенных определений объединяет под коннотацией практически все элементы значения лексемы, не относящиеся к ее понятийному содержанию. Нам представляется, что не имеет смысла столь широко понимать коннотацию, вероятно, совокупность всего, что не относится к понятийному содержанию слова следует называть каким-то иным термином, например, следуя за сторонниками лингвострановедческой теории слова, лексическим фоном: «Семантика слова не исчерпывается одним лишь лексическим понятием. Лексическое понятие восходит к классифицирующей и номинативной функциям языка, однако в слове имеется и семантический компонент, который соответствует кумулятивной, накопительной функции. <...> Пусть вся совокупность непонятийных семантических долей, относящихся к слову, называется его лексическим фоном. <...> Не следует думать, что лексический фон – это индивидуальное достояние отдельного человека, <...> лексический фон, как и лексическое понятие, как и само слово в двух своих планах, – это принадлежность языка, явление массового, общественного, т.е. языкового сознания» [Верещагин, Костомаров, с. 56-58].

В.Н. Телия, являющаяся автором соответствующей статьи в энциклопедическом словаре «Языкознание», называет коннотацией «эмоциональную, оценочную или стилистическую окраску лексической единицы узального <...> или окказионального характера; <...> в структуре

коннотации ассоциативно-образный компонент выступает как основное оценочной квалификации» [Языкознание, с. 236]. Процитированный автор указывает, что коннотация может оказываться окказиональной, и сближает коннотацию и оценку. Нам ближе точка зрения И.М. Кобозевой, отказывающей коннотации в окказиональности: «Коннотации отличаются от прочих видов прагматической информации тем, что они включают в себя отсылку не к индивидуальному пользователю знака – говорящему, а к языковому коллективу» [Кобозева 2000, с. 92]. При этом цитируемый автор предлагает отличать коннотации от эмоционально-оценочных компонентов значения слова, отражающих индивидуальное отношение говорящего к обозначаемому объекту [Кобозева 2000, с. 88-89].

Попробуем теперь дать предварительную формулировку собственного понимания коннотации, которое уточним в дальнейшем. Мы называем коннотацией набор дифференциальных признаков слова, не относящихся к его сигнификации, то есть не препятствующих обозначению этим словом объекта, указанных признаков лишнего, но обуславливающих употребление этого имени в характеризующей функции, позволяющих ему выступать в позиции семантического предиката. Заметим, что коннотативный элемент значения может оказываться экспрессивным и оценочным, но это вовсе не является обязательным. Рассмотрим такое высказывание: *Н женат, но в душе он холостяк*. Вряд ли оно может быть признано аксиологическим суждением, весьма сомнительным является и его экспрессивность.

Обратимся к еще одному примеру: *Его тетка была ему настоящей матерью*. Можно предположить, что употребляющий данное высказывание стремится дать объективную характеристику определенного положения вещей, а не выразить свое субъективное отношение к указанному факту, достаточно привести осложнение приведенного коннотативного употребления лексемы *мать* отрицательной оценкой: *К сожалению, именно тетка, женщина грубая, жестокая и корыстолюбивая, была ему настоящей матерью*. Таким образом, коннотациями имени *мать* являются такие признаки, как забота о ребенке, его воспитание, доброта к нему и др. Такие понятийные семы, как кровное родство, даже женский пол (ср.: *Старший брат стал ему настоящей матерью*), при коннотативном употреблении слова могут оказываться несущественными.

Теперь остановимся на вопросе о соотношении коннотаций и ассоциаций. Для некоторых исследователей характерно сближение, а иногда и отождествление этих понятий. Так, И. М. Кобозева называет коннотациями «(семантические) ассоциации» и ссылается на Я. Бартиминского, понимающего под коннотациями «совокупность <...> закрепленных в

культуре данного общества ассоциаций» [Кобозева 2000, с. 92]. Мы же полагаем необходимым различение коннотаций и ассоциаций.

Ассоциации могут быть как индивидуальными и окказиональными, так и закрепленными в определенном языковом коллективе³. Как уже говорилось выше, мы отрицаем индивидуальность и окказиональность коннотаций, поэтому не будем останавливаться на ассоциациях этого типа. Говоря же о предсказуемых ассоциациях, закрепленных в культуре лингво-культурного сообщества, мы выступаем против их отождествления с ассоциациями⁴.

Коннотации присущи лексической единице, входят в саму эту единицу, находятся внутри ее «границ», т. е. ингерентны ей, ассоциации же адгерентны лексической единице, находятся вне ее «границ», приписываются ей языковым коллективом. Подтвердим сказанное только двумя примерами. «Ассоциативный тезаурус русского языка» показывает, что наиболее частотной ассоциацией к слову *памятник* является имя собственное *Пушкин*⁵, но сомневаемся, что кто-либо решится утверждать, что это имя собственное является коннотацией указанного слова. Говоря о содержании лексемы *немец*, можно отметить, что такие признаки, как аккуратность, педантичность, трудолюбие, не относясь к понятийному ядру имени, могут быть причислены к ее коннотациям. При этом вряд ли можно согласиться с тем, что такие абсолютно предсказуемые в русском лингво-культурном сообществе и весьма частотные, согласно «Ассоциативному тезаурусу русского языка», ассоциации к слову *немец*, как *фашист*, *фронт*, *война*, могут быть отнесены к коннотациям данной единицы. Об этом же свидетельствуют и данные лингвистического эксперимента с псевдотавтологиями типа *Немец есть немец* (обратим внимание, что в первом случае имя употребляется денотативно, а во втором — коннотативно). Информанты, которых просили интерпретировать подобные высказывания, актуализировали в своих ответах именно указанные коннотации, а не те устойчивые предсказуемые ассоциации, которые были приведены выше [Кобозева 1995]. Итак, необходимо разграничивать ассоциации и коннотации, хотя некоторые предсказуемые ассоциации могут быть связанными с коннотативными семами.

Таким образом, мы рассматриваем коннотацию языковой единицы как закрепленные за этой единицей непонятные дифференциальные признаки, стоящего за ней представления (вернее, совокупности пред-

³ О национально стереотипизированных ассоциациях см. [Прохоров, с. 129 и след]; о национально культурной детерминированности векторов ассоциативных валентностей и о предсказуемых ассоциативных связях см. [Красных, с. 161 и след].

⁴ Далее мы излагаем положения, выработанные автором совместно с В. В. Красных и изложенные в [Гудков, Красных, 2001].

⁵ Заметим, что здесь возникает вопрос о связи коннотаций и ассоциаций с прототипами, но на нем мы позволим себе не останавливаться.

ставлений). Полагаем, что можно, хотя и с достаточной степенью условности говорить о непонятных дифференциальных признаках стоящего за именем представления, так как именно они в определенных случаях обуславливают возможность / невозможность номинации этим именем того или иного объекта. В качестве примера можно вспомнить фразу «Вы не мать!», брошенную в лицо советской разведчице мало-симпатичным персонажем кинофильма «Семнадцать мгновений весны». Радистка Кэт была исключена гестаповцем из множества матерей именно на основании коннотаций лексемы *мать*. Если принять приведенное определение, то интересующее нас значение составляющих культурного кода является коннотативным, противопоставленным в нашем анализе «естественноязыковому» значению, которое условно можно назвать денотативным.

При этом представляется, что в данном случае мы имеем дело с особым типом коннотативного значения; его имеет смысл называть символическим в понимании, близком тому, которое вкладывает в это понятие О. Г. Пестова: «Под символическим значением нами понимается тип конвенционально обусловленного значения, образовавшегося на основании механизмов метафоризации и метонимизации, в котором наименование конкретного предмета выступает в качестве означающего для абстрактного значения» [Пестова, с. 92]. Сказанное заставляет нас остановиться на том, что же следует понимать под символическим значением, а это ставит нас перед проблемой символа как такового.

Проблема эта может быть отнесена к числу древнейших, идущих к нам от пифагорейцев через Платона и средневековых схоластов. В нашу задачу, конечно же, не входит ни даже краткое изложение истории вопроса, ни попытка классифицировать существующие точки зрения⁶. В лингвистике проблема символа неразрывно связана с проблемой языкового знака. Причем одни исследователи недифференцированно употребляют термины «символ» и «знак», другие же настаивают на разграничении этих понятий: «Символ отличает отношение аналогии между означаемым и означающим и их неадекватность (представление о христианстве «шире» представления о кресте). <...> В знаке отношение между составляющими является немотивированным и адекватным (не существует аналогии между словом «бык» и образом быка, который полностью исчерпывается соответствующим означающим)» [Барт 75, с. 129].

В своем разграничении понятий знака и символа мы следуем за А. Ф. Лосевым, который указывал: «Символ есть развернутый знак, но знак также является неразвернутым символом, его зародышем. <...> Для примитивного и элементарного понимания соотношения смысла вещи и самой вещи едва ли необходим термин «символ». <...> Символ

⁶ Это сделано, в частности, в ставшей почти классической монографии [Тодоров].

требует для себя не просто модели, но еще и порождающей модели. <...> Символ не просто обозначает бесконечное количество индивидуальностей, но <...> он есть также и закон их возникновения» [Лосев, с. 133-134]. Символ, как отмечал Ю. М. Лотман, способен «сохранять в свернутом виде исключительно обширные и значительные тексты» [Лотман, с. 148].

Ниже мы постараемся показать, что единицы культурного кода выступают именно как символы, сейчас же остановимся на центральном вопросе семантики – об отношении интересующих нас имен и их референтов.

Говоря об особенностях соотношения «означающее – означаемое» в рамках определенного культурного кода, заметим, что по этому параметру интересующие нас языковые единицы могут быть условно разделены на две группы. Как указывает В.Н. Телия, в одних «культурно значимая информация воплощается в денотативном аспекте значения (это слова, обозначающие реалии материальной культуры или же концепты культуры духовной и социальной)», в других «культурно значимая информация выражается в коннотативном аспекте значения» [Телия, с. 235]. Иными словами, в одном случае сам объект, на который указывает слово, оказывается наделен символической функцией, в другом – эту функцию выполняет само слово, а не та реалья, на которую оно указывает. Например, кровь наделяется сакрально-магической функцией. Ограничимся лишь несколькими примерами: в культах Кибелы и Митры кровь обладает очищающей силой, вспомним поиски Святого Грааля, чаши, в которую стекала кровь Христа, мистический интерес к крови фашистов (забота о «чистоте крови») и большевиков (от цвета их знамени до открытия вскоре после Октября Института крови, руководитель которого, видный партийный деятель Богданов, погиб, ставя на себе загадочный эксперимент по переливанию крови) и т. д., и т. п. Согласно древнейшим архетипическим представлениям, именно кровь является носителем жизненной силы, энергии жизни. Подобная символика находит отражение в значении имени *кровь*, ср., например, такие фразеологизмы, как *смыть / смыть кровью, в крови, пролить / пролить кровь* и др. Договор с дьяволом подписывается именно кровью. Позволим себе привести фрагмент известного стихотворения А. Галича «Еще раз о черте»:

“...И кому оно нужно это добро,
Если всем дорога – в золу...
Так давай же, бери, старина, перо
И вот здесь распишись в углу”.
Тут черт потрогал мизинцем бровь
И придвинул ко мне флакон.

И я спросил его: “Это кровь?”
“Чернила”, – ответил он...

Сама ситуация из фантастического и метафизического переводится в земной, обыденный план, актуализируя представления не о потусторонних, а о вполне реальных, хорошо всем знакомых «демонах». Данный художественный эффект достигается путем замены магической, «сакральной» *крови* бытовыми, «профанными» *чернилами*.

Если же рассмотреть такую единицу соматического кода, как *нос*, то легко заметить, что нос как часть тела вовсе не связан с символикой «пограничного столба» между внутренним пространством человека и внешним для него пространством, не является сам по себе знаком пространственной близости. Этим значением обладает имя *нос*, а отнюдь не его референт, ср., например: *под носом, из-под носа, нос(-ом) к носу*.

Таким образом, различия между именами *кровь* и *нос* в их связи с означаемым представляются очевидными. Мы согласны с В.Н. Телия, которая говорит о необходимости «разграничивать функцию реалии и символическую функцию имени языкового знака» [Телия, с. 243]. Ведь «в отличие от собственно символов (когда носителем символической функции является предмет, артефакт или персона) роль языкового символа заключена в смене значения языковой сущности на функцию символическую; словозначение в этом случае награждается смыслом, указывающим не на собственный референт слова, а ассоциативно “замещает” некоторую идею» [Телия, с. 243].

Обратим внимание, что структура семантического поля, образуемого значениями знаков второго уровня, к которым мы относим единицы культурных кодов, изоморфна структуре семантических полей естественного языка, в котором эти же слова выступают как знаки первого уровня. Как и в естественном языке, можно выделять полисемичные и моносемичные имена. В определенных позициях единицы культурного кода могут выступать как прагматические эквиваленты, в других – противопоставляться друг другу, т. е. можно говорить о синонимии и антонимии этих единиц.

Подводя итоги, повторим, что имена, принадлежащие соматическому коду культуры, обладают, помимо общеязыкового, еще и особым символическим значением как знаки вторичной семиотической системы, причем значение это отнюдь не является ситуативно обусловленным, но закреплено за соответствующей единицей языка. «Классические» толковые словари, как правило, не описывают эти значения, игнорируя их, что делает необходимым и актуальным введение подобных описаний в лексикографическую практику.

Л и т е р а т у р а

1. Апресян – *Апресян Ю. Д.* Коннотации как часть прагматики слова (лексикографический аспект) // Избр. труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995, с. 159.
2. Барт 75 – *Барт Р.* Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против». М., 1975, с. 11.
3. Барт 89 – *Барт Р.* Миф сегодня // Избр. работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989, с. 78.
4. Верещагин, Костомаров – *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. М., 1983, с. 56-58.
5. Гудков, Красных – *Гудков Д. Б., Красных В. В.* К проблеме разграничения ассоциаций и коннотаций // Текст и комментарий. М., 2001.
6. Кобозева 95 – *Кобозева И. М.* Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1995. № 3.
7. Кобозева 2000 – *Кобозева И. М.* Лингвистическая семантика. М., 2000, с. 92.
8. Красных – *Красных В. В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., 2002, с. 232.
9. Леви-Стросс – *Леви-Стросс К.* Структура и форма // Семиотика. М., 1983, с. 428.
10. Лосев – *Лосев А. Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976, с. 133-134.
11. Лотман – *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. М., 1996, с. 148.
12. Лукашевич – *Лукашевич Е. В.* Когнитивная семантика: эволюционно-прогностический аспект. М.-Барнаул, 2002, с. 56-57.
13. Мелерович, Мокиенко – *Мелерович А. М., Мокиенко В. М.* Фразеологизмы в русской речи. М. 2001, с. 348.
14. Ожегов – *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М. 1978, с. 282.
15. Пестова – *Пестова О. Г.* Слова с символическим значением как объект учебной лексикографии // Актуальные проблемы учебной лексикографии. М., 1980, с. 92.
16. Прохоров – *Прохоров Ю. Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М. 1996.
17. Складаревская – *Складаревская Г. Н.* Прагматика и лексикография // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М., 1995, с. 64.
18. Телия – *Телия В. Н.* Русская фразеология. М. 1996, с. 235.
19. Тодоров – *Тодоров Ц.* Теории символа. М., 1999.
20. Толстой – *Толстой Н. И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М. 1995, с. 23.
21. Языкознание – *Языкознание.* Большой энциклопедический словарь. М., 1998, с. 236.